

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.7>

UDC 811.163.1:811.124

LBC 81.416.1-03

Submitted: 11.01.2026

Accepted: 20.03.2026

LATIN-SLAVIC PARALLELS IN KIEVAN GLAGOLITIC MISSAL: CONTINUATION OF A JOINT STUDY WITH PROFESSOR S.P. LOPUSHANSKAYA

Vasilii I. Suprun

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

Abstract. The purpose of the article is to analyze the verbal vocabulary of the first written document of the ancient Slavic script, the Kievan Glagolitic missal (KGM), and compare it with the text of the alleged source in Latin. The history of the acquisition and study of the text of the document is considered. The role of Professor S.P. Lopushanskaya in the study of the KGM text is considered. The main text-forming part of speech is the verb. The verbal vocabulary is contained in all 10 masses describing events related to the actions of the Lord and the people praying. The forms of the imperative of the 2nd person are frequent (33% of all verbal forms), as is the perfect in the same person (all forms refer to the actions of the Lord). Verb forms are an adequate translation of the corresponding Latin units, while Slavic words have a sacred meaning. The KGM shows the peculiarities of the linguistic culture of the Slavs of the 10th – 11th centuries, their introduction to Christianity, and the influence of Latin on the formation of the liturgical language of Western Slavs. The prospects of the research are the study of participial forms and their role in the memorial missal text.

Key words: Kievan Glagolitic missal, Latin, verb, infinitive, aorist, perfect, imperative, S.P. Lopushanskaya.

Citation. Suprun V.I. Latin-Slavic Parallels in Kievan Glagolitic Missal: Continuation of a Joint Study with Professor S.P. Lopushanskaya. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 2, pp. 81-89. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.7>

УДК 811.163.1:811.124

ББК 81.416.1-03

Дата поступления статьи: 11.01.2026

Дата принятия статьи: 20.03.2026

ЛАТИНСКО-СЛАВЯНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В КИЕВСКИХ ГЛАГОЛИЧЕСКИХ ЛИСТКАХ: ПРОДОЛЖЕНИЕ СОВМЕСТНОГО С ПРОФЕССОРОМ С.П. ЛОПУШАНСКОЙ ИССЛЕДОВАНИЯ

Василий Иванович Супрун

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Цель статьи заключается в описании глагольной лексики первого памятника древнеславянской письменности – Киевских глаголических листков (КГЛ), сопоставлении славянских единиц с аналогичными в тексте предполагаемого источника на латинском языке и определении их роли в формировании славянской религиозной терминологии. Рассмотрена история обретения и изучения текста памятника. Охарактеризована роль профессора С.П. Лопушанской в исследовании текста КГЛ. Показано, что главной текстообразующей частью речи является глагол. Глагольная лексика содержится в КГЛ во всех 10 мессах, она используется для описания событий, связанных с действиями Господа и молящихся людей. Установлено, что частотны в тексте формы императива 2 л. ед. числа и перфекта в этом же лице (все формы относятся к действиям Господа). Зафиксированные в древнеславянском памятнике глагольные формы представляют собой адекватный перевод соответствующих латинских единиц, при этом у славянских слов формируется сакральное значение. КГЛ отражают особенности лингвокультуры сла-

вян X–XI вв., их приобщения к христианству, влияние латыни на формирование литургического языка западного славянства. Перспектива исследования видится в изучении причастных форм в памятнике, их роли в тексте.

Ключевые слова: Киевские глаголические листки, латынь, глагол, инфинитив, аорист, перфект, императив, С.П. Лопушанская.

Цитирование. Супрун В. И. Латинско-славянские параллели в Киевских глаголических листках: продолжение совместного с профессором С.П. Лопушанской исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 81–89. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.7>

Введение

Киевские глаголические листки (Киевский миссал) были обнаружены в монастыре Святой Екатерины на горе Синай архимандритом Антонином (Андреем Ивановичем Капустиным), когда он, будучи начальником Русской православной миссии в Иерусалиме, с 3 августа по 18 сентября 1870 г. приводил в порядок местную монастырскую библиотеку, разбирая и описывая греческие, славянские и арабские рукописи. Вместе с двумя помощниками архимандрит Антонин составил рукописный каталог из 1 310 греческих, 38 славянских и 500 арабских текстов. В благодарность за этот труд скевофилакс монастыря (заведующий всей церковной утварью, включая книги и рукописи, σκευοφύλαξ – буквально ‘сосудохрани́тель’) Григорий передал ему 6 листов рукописи, оставив себе один, написанный «крупным письмом» (подробно см.: [Фонкич, 1972, с. 83]). Его дальнейшая судьба неизвестна.

В 1872 г. архимандрит Антонин подарил рукопись Киевской духовной академии, выпускником которой он был [Фонкич, 1972]. На отдельном листе даритель написал: «Въ библіотеку Кіевской Духовной Академіи. Іерусалимъ, 2 маія 1872 г.». В короб с древней рукописью были вложены три листа, на которых рукой архимандрита Антонина был записан «Алфавитъ глаголическій» (название написано кириллическими и глаголическими буквами) с вариантами начертания букв, подписанный в конце на глаголице: «Іерусалимъ. Антонінь».

Почти сразу на этот памятник древнеславянской письменности обратил внимание Измаил Иванович Срезневский (1818–1890). Он тщательно копировал все доступные древние рукописи, всего в его библиотеке было обнаружено более 900 копий, в том числе более 700, сделанных собственноручно. Уже в 1874 г.

ученый выступил на Третьем Археологическом съезде в Киеве с докладом (тогда это называли рефератом) «О древней глаголической рукописи, хранящейся в Киевской духовной академии» [Срезневский, 1876]. Для наглядности использования букв глаголицы Измаил Иванович записал ими современное стихотворение о Киеве. Он отнес памятник к юсовой глаголице и попытался обнаружить латинский текст, с которого был осуществлен перевод на славянский язык [Срезневский, 1878]. Ученый сообщил, что глаголический памятник был выставлен во время работы съезда ректором Киевской духовной академии епископом Уманским, викарием Киевской епархии Филаретом (Филаретовым) [Срезневский, 1878, с. 276]. На табличке около КГЛ была сделана попытка определения времени их создания: XIII или XIV в. [Kolář, 1875, s. 192]. Исследователи отмечают, что текст на обороте первой страницы и на лицевой стороне второй выцвел из-за длительного экспонирования в музее при Киевской духовной академии.

В работе Третьего Археологического съезда участвовал чешский славист Йозеф Коларж (1830–1910), который ознакомился с памятником и 11 января 1875 г. сделал доклад о нем на заседании Чешского научного общества с анализом особенностей перевода с латинского оригинала, а весной того же года его доклад был опубликован в журнале Музея Чешского королевства [Kolář, 1875]. Это была первая публикация текста Киевских глаголических листков и предполагаемого латинского источника, поскольку сборник материалов Археологического съезда со статьей И.И. Срезневского вышел только в 1878 г., а издание самого памятника письменности, включенное в работу русского ученого «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках», было напечатано в начале 1876 г. [Срезневский, 1876].

В последующем вышло несколько десятков, если не сотен книг и статей, посвященных Киевским глаголическим листкам, в основном уточняющих или повторяющих наблюдения и выводы предшественников. О памятнике писали известные слависты: И.В. Ягич, А.А. Шахматов, А.И. Соболевский, Н.К. Грунский, С.М. Кульбакин, В. Вондрак, Н.Н. Дурново, Н. ван Вейк, Р. Нахтигал, Э. Кошмидер, Ф. Мареш, А. Вайян, Я. Станислав, С.Б. Бернштейн и др.

В 1928 г. монах-бенедиктинец Куниберт (Лео) Мольберг (1878–1963), библиотекарь Ватиканской апостольской библиотеки, опубликовал в Риме Киевские глаголические листки, в комментариях к которым определил, что наиболее близким к этому славянскому памятнику является католический Падуанский кодекс, публикацию которого он включил в приложение. К. Мольберг предположил, что перевод с латыни осуществил Константин в 867–868 гг. во время своего пребывания в Риме (Moniberg). Позже эта точка зрения не была поддержана, считается, что этот перевод не связан с Моравской миссией Солунских братьев, переводчик лишь воспользовался глаголической азбукой, составленной святым Кириллом. Она была известна на территории Великой Моравии, Паннонии, Венеции, где был диспут о трезычии, и Рима, где славянские книги были освящены папой и положены в храм Санта Мария Маджоре, а Солунские братья провели литургию на славянском языке в церкви Святого Петра (Житие, с. 60).

В 1983 г. В.В. Нимчук (1933–2017) подготовил новое издание памятника с подробным комментарием, приведением вслед за К. Мольбергом латинского оригинала, словоуказателем и списком литературы из 149 позиций (Нимчук). Вслед за ним в 1987 г. нидерландский исследователь Й. Схакен из Лейденского университета опубликовал свой столь же полный труд о Киевских листках с орфографическим, фонетико-акцентуационным, морфологическим, лексико-семантическим, синтаксическим анализом, выявлением поэтических черт в тексте и обширным списком литературы (Schaeken).

Казалось бы, после таких обстоятельных трудов больше нечего добавить к изучению этого старейшего памятника письменности славян. Однако это произведение славянской

лингвокультуры, как и многие другие памятники, обладает неисчерпаемостью, возможностью обращения к нему с новых исследовательских позиций.

Результаты исследования

Рассмотрим Киевские глаголические листки (далее – КГЛ) с целью описания глагольной лексики этого первого памятника древнеславянской письменности и сопоставления единиц с аналогами в тексте предполагаемого источника на латинском языке, определения их роли в формировании славянской религиозной терминологии под влиянием латинского языка, продолжая наше совместное с профессором С.П. Лопушанской исследование [Лопушанская, Супрун, 1988; 1989]. Труды выдающегося волгоградского исследователя по изучению глагола позволяют обнаружить лингвокультурные особенности функционирования единиц данной части речи в славянских языках [Лопушанская, 1975; 1990].

Вслед за И.И. Срезневским мы оставляем в стороне анализ 1-го текста памятника, он содержит фрагмент из книги Апостольских чтений (Послания апостола Павла римлянам, глава XIII, стихи 11–14 и глава XIV, стихи 1–4), за которым расположена молитва Пресвятой Богородице из службы Благовещению. Эта страница была написана в более позднее время и другим писцом. Й. Коларж полагает, что эта страница в момент создания КГЛ оставалась чистой, текстом ее заполнили позже, почерк на ней более грубый [Kolář, 1875, s. 193]. Следующие тексты восходят к одному времени, содержат молитвы из 10 месс: в память святого Климента, в память святой Фелицитаты (в тексте: Фелициты), шесть повседневных месс, месса о святых мучениках и месса о всех небесных силах. Все нижеследующие примеры взяты из книги Й. Схакена (Schaeken).

Эти тексты начинаются с оборота первого листа. Уже на второй строчке обнаруживается грамматическая особенность, которая, возможно, связана с тем, что переводчик не заметил или не знал, что в латыни именительный и звательный падежи у слова *Deus* совпадают, поэтому передал лексему, используемую в обращении, формой именительного

падежа: *Богъ*. Во всех славянских языках того времени звательная форма с первой палатализацией *Боже* отмечена регулярно. Подобное использование номинатива вместо славянского вокатива встречается в тексте еще дважды, в остальных 13 случаях встречается форма *Боже* (под титлом: *Бѣже*).

Слово *Бог* было заимствовано славянами у иранцев в период славяно-иранского симбиоза, начавшегося в VII в. до н. э., когда «в причерноморских степях появились с востока мощные ираноязычные племена скифов» [Півторак, 1988, с. 36]. Оно восходит к древнеиранскому *baga / baya* ‘бог’ ((AIW, S. 921–922); [Эдельман, 2002, с. 168]). В это время славяне еще не разделились на три группы, поэтому праславянская лексема сохранилась во всех современных славянских языках.

Другое обозначение христианского Бога *Господь* встречается в тексте многократно, оно соответствует латинскому *Dominus*, все славянские примеры относятся к склонению на **ī*, если предположить, что запись форм творительного падежа под титлом *гѣ* имеет *ь* в начале окончания. Всего в этом падеже зафиксировано 25 словоупотреблений, большая часть из них приходится на конечную часть текста, отражая латинскую формулу: *Per Dominum*, являющуюся сокращенной записью стандартного завершения католической молитвы: *per Dominum nostrum Iesum Christum Filium tuum, qui tecum vivit et regnat in unitate Spiritus Sancti, Deus, per omnia saecula saeculorum* «через Господа нашего Иисуса Христа, Твоего Сына, который живет и царствует с Тобой в единстве со Святым Духом, Боже, во веки веков». Особенно впечатляют формы родительного (2 примера) и дательного (1 пример) падежей с окончанием *-i*. Это же окончание имеет форма вокатива (24 употребления), сохранившаяся в современном русском языке: *Господи*, в остальных падежах слово перешло в склонение на **ǫ*. Разносклоняемость этого слова отмечалась и в церковнославянском языке, в котором встречаются также формы со склонением на **ŭ* (с переходом *o > e*): *Господеви*. О.Н. Трубачев убедительно доказал, что лексема *Господь* возникла в результате семантического развития и.-е. **pot-* с первичным местоименным значением и включением его в состав словосложения [Трубачев, 1959, с. 183].

Переводчик старался максимально точно передать текст оригинала, подбирая в славянском языке слова, отражающие и смысл латинской молитвы, и особенности семантики славянских единиц. Глаголы в этих мессах встречаются в разных грамматических формах:

– настоящего времени: *веселии* (2 л. ед.) – латинский глагол *laetificas*, *наслѣдоуемъ* (1 л. мн.) – лат. *imitemur*; *сѣвѣстоуемъ* (1 л. мн.) – лат. инф. *testificari*, *цѣсаритъ* (3 л. ед.) – лат. инф. *regnare*, *жадаемъ* (1 л. мн.) – лат. инф. *desiderare*, *достоитъ* (3 л. ед.), *са... дръжимъ* (1 л. мн.), *живемъ* (1 л. мн.), *молимъ* и *молимъ са* (1 л. мн.), *носимъ* (1 л. мн.), *приемлемъ* (1 л. мн.), *приносимъ* (1 л. мн.), *прѣсѣмъ* (1 л. мн., 16 употреблений), *славимъ* (1 л. мн.), *соушамъ* (3 л. мн.), *творимъ* (1 л. мн.), *чѣстимъ* (1 л. мн.) и др.;

– простого будущего: *възрастетъ* (3 л. ед., у Й. Схакена – *Präsens* (Schaecken, S. 241)), *възможемъ* (1 л. мн., у Й. Схакена – *Präsens* (Schaecken, S. 241) и далее), *(въ)нѣмемъ* (1 л. мн.), *заичѣтитъ* (3 л. ед.), *ѡбѣмемъ* (1 л. мн.), *ѡчиститъ* (3 л. ед.), *пом(о)лимъса* (1 л. мн.), *(при)ведетъ* (3 л. ед.), *спасетъ* (3 л. ед.), *сътвориши* (2 л. ед.);

– аориста: *въскрѣси* (2 л. ед.); *заклепе* (3 л. ед.), *изволи* (2 л. ед.), *ѡтѣведе* (3 л. ед.), *ѡчисти* (3 л. ед.), *помілова* (2 л. ед.), *ѡутаже* (3 л. ед.);

– перфекта *ѣси благословестиль* (2 л. ед. муж.) – лат. инф. *santificare*; *ѣси далъ* (2 л. ед. муж.), *ѣсмъ възали* (1 л. мн. муж.); *ѣси насътитъ* (2 л. ед.), *ѣси обѣцѣлъ* (2 л. ед.), *ѣси посылалъ* (2 л. ед. муж.), *прѣзвалъ... ѣси* (2 л. ед. муж.), *ѣси... принеслъ* (2 л. ед. муж.), *ѣси... сътворилъ и сътворилъ... еси* (2 л. ед. муж.), *ѣси... ѡподобилъ* (2 л. ед. муж.), *ѣси... ѡутвердилъ* (2 л. ед. муж.);

– императива *въздвѣгні* (2 л. ед.; лат. инф. *erigere*); с яркой западнославянской фонетической чертой *подазь* (2 л. ед.; лат. *consede*) и *отѣдазь* (2 л. ед.); *въсели* (2 л. ед.); *върѣснѣ са* (2 л. ед.; латинского эквивалента нет (СтС, с. 149)); *заичѣти* (2 л. ед.); *ізбави* (2 л. ед.); *исправѣ* (2 л. ед.); *ѡбрати* (2 л. ед.); *ѡтѣлати* (2 л. ед.); *ѡтѣми* (2 л. ед.); *ѡчисти* (2 л. ед.); *поставѣ* (2 л. ед.); *прѣзрѣ* (2 л. ед.); *приемли* (2 л. ед.); *приспѣи* (2 л. ед.); *прѣими* (2 л. ед.); *просвѣти* (2 л. ед.); *свѣати* (2 л. ед.); *спасѣи* (2 л. ед.); *сътвори* (2 л. ед.); *оуслѣшии* (2 л. ед.); *ѡутверди* (2 л. ед.);

– инфинитива *въплѣтити сѧ, наслѣдовати, ѡчѣстити сѧ, приѣти, съгрѣшати, сътворити, хотѣти*.

Глагол *быти* представлен многими формами: 1) в настоящем времени: 2 л. ед. *еси* (с разными типами обозначения ударения надстрочными знаками), 3 л. ед. *ѣсть*, 1 л. мн. *ѣсмь*, 3 л. мн. *сѣмь*; 2) в простом будущем времени: 1 л. мн. *бѣдемь*; 3) в императиве: 2 л. ед. *бѣди*; 4) в качестве вспомогательной единицы в отмеченных выше формах перфекта (только 2 л. ед.). Другие нетематические глаголы представлены единичными формами: *ѣмамь* (1 л. мн. наст. вр.), *дазь* (5 примеров императива 2 л. ед.), *подазь* (2 л. ед. прост. буд. вр.). Глаголы *въѣдѣти* и *ѣсти* в тексте отсутствуют.

Треть зафиксированных в памятнике глагольных единиц составляют формы императива 2 л. ед. числа и перфекта в этом же лице (все формы относятся к действиям Господа). Глагольные формы чаще всего являются адекватным переводом соответствующих латинских единиц, при этом у славянских слов появляется сакральное значение.

Рассмотрим подробнее один из отрывков славянского текста и его соотношение с предполагаемым латинским прототекстом:

Бѣ іѣже нѣи лѣта ѡградѣѣ блаженаго климента мѣченика твоего іѣ папежа чѣстьѣж веселѣиш : подѣзь мѣлостѣи да ѣгоже чѣсть чѣстѣмъ силѣѣ ѡубо мѣчениѣ ѣго наслѣдоуемъ. : : гмѣ : :

Deus qui nos annua beati Clementis martyrismi tui atque pontificis solemnitate laetificas, concede propitius, ut cuius natalitia colimus uirtutem quoque passionis imitemur, per dominum.

На то, что первое слово *бѣ* должно было стоять в звательном падеже, обратил внимание уже Й. Коларж [Kolář, 1875, S. 195]. Здесь должна была стоять форма *бѣже*, как это встречается в других частях текста.

Местоимению *qui* соответствует в церковнославянском языке *иже* (СтС, с. 247), которое возникло в результате соединения указательного местоимения **и* с частицей *же* [Хабургаев, 1974, с. 216].

Латинское местоимение *nos* ‘мы, нас’ имеет одинаковые формы именительного и винительного падежей. В церковнославянском языке винительный падеж имеет форму *ны*, которую и выбрал переводчик.

Субстантивированное прилагательное среднего рода мн. числа *annua* имеет в данном контексте значение повторения какого-нибудь события каждый год. Переводчик выбрал для передачи этой семантики фразеологизм *лѣта ѡградѣѣ*. Судя по фонетическим признакам (*ц* вместо *шт* в причастии действительного залога настоящего времени), фразема отражает западославянское происхождение. В чешском языке используются слова *hřad*, *hřád*, *hřada* ‘насест, приспособление для сидения птиц’, *hřádka* (уменьш.), *hřadový*, *hřadovati* ‘усаживаться на насест, на ветки (о птицах)’, *shřadovati* ‘слететь с дерева’, *vyhřadovati* ‘взлететь и усесться на дереве’, *zahřadovati* ‘скрыться в ветвях дерева (о птицах)’ (глаголы относятся к охотничьему жаргону) (VT, s. 536). В словах отмечена сема движения, которая могла быть реализована в значении повтора действия.

Прилагательное *beati* закономерно передано формой Р. п. *блаженаго*. Удивляет столь ранняя фиксация стяженной формы местоименного склонения. Видимо, в западославянском лингвосообществе стяжение в адъективном склонении наступило ранее, чем в других местах проживания славян, в памятниках которых отмечаются нестяженные формы достаточно часто [Хабургаев, 1974, с. 230].

Имя *Clementis* в форме Р. п. 3-го склонения [Зарембо, Прокопчук, 2017, с. 58] также закономерно передано *климента*. Имя этого святого неразрывно связано с деятельности святых равноапостольных Константина-Кирилла и Мефодия. Мощи папы Климента были обретенны ими в крымском Херсонесе (Корсуни) около 861 года. Эти мощи сопровождали Солунских братьев во время их Моравской миссии и в Паннонии, а затем в Риме были переданы папе Адриану II, который устроил им чествование в конце 867 или в начале 868 года. Мощи святого Климента были помещены в базилику Святого Климента, в которой в феврале 869 г. был похоронен святой Кирилл. Ныне мощи славянского святого в Риме сокрыты «под спудом» ([Уханова, 2000]; (Житие)).

Слово *martyris* также склонялось по 3-му склонению. Как и в латинском оригинале, в КГЛ перевод *мѣченика* в Р. п. ед. числа находится в постпозиции по отношению к имени святого.

Притяжательное местоимение *tui* передано формой Р. п. ед. числа: *твоего*.

Союз *atque* использовался при присоединении более важного понятия (ЛРС, с. 59). Он переведен простым союзом *и*⁷.

Слово *pontifices* в Р. п. ед. числа 3-го склонения переведено *папежа*. Это название главы католической церкви было известно в славянском мире. Оно отмечено в Остромировом евангелии, тоже в связи со святым Климентом (СРЯ, вып. 4, с. 147).

Форма аблатива ед. числа *solemnitate* передана творительным падежом *чьстьѣж*, слово *чьсть* используется в значении 'празднество, торжество' (СтС, с. 787).

Глагол 2 л. ед. наст. вр. *laetificas* переведен *веселѣши*. В церковнославянском языке у глагола *веселити* имеется значение 'радовать' (СтС, с. 112).

Многозначный глагол *concedo* в форме повелительного наклонения 2 л. ед. *concede* переведен *подáзь*. Это значение, видимо, было развито в латинском языке из близкой семантики 'уступать, предоставлять, соглашаться; из снисхождения, сострадания прощать' (ЛРС, с. 114–115).

Прилагательное в звательной форме *propitius* переведено *мѣлостивѣи*, значок над последней буквой свидетельствует о местоименной форме прилагательного без напряженного *ъ* перед ним, тем более что звук [ы] в тексте КГЛ обычно записывается диграфом *ѣи*. Впрочем, подобная форма ударения встречается и в других местах текста без возможного отражения местоименной формы прилагательного или причастия.

Союз *ut*, используемый в латыни в разнообразных контекстах, в том числе для обозначения следствия (ЛРС, с. 673), передан таким же многозначным славянским союзом *да*.

Относительное местоимение *cuius* 'чей' переведено формой Р. п. ед. числа местоимения в относительном значении *ѣгоже* 'которого'.

Глагол *colimus* переведен славянским 1 л. мн. наст. вр. *чьстимъ*; при этом возникает плеоназм, поскольку предшествующее латинское существительное *natalitia*, исходное значение которого 'дни рождения', но в первые века существования христианской церкви слово использовалось для обозначения дней смерти мучеников, отмечая их вхождение в вечную жизнь, снова передано славянским *чьсть*. Подобный перевод упрощает сложные теологические представления латинян о жизни и смерти, но по-

могает славянам понять содержание молитвы. Такой же плеоназм используется и в другой молитве при сочетании действ. причастия наст. вр. от глагола *чьстѣ* (с западнославянской фонетической чертой) с существительным *чьсти*.

Сложности возникли у переводчика при выборе эквивалента латинской формы существительного *uirtutem* с записью первого звука как *и* вместо *у*. Слово *virtus*, *-utis* имеет значения 'добродетель; мужество; смелость, решимость', оно имеет форму винительного падежа смешанного склонения [Зарембо, Прокопчук, 2017, с. 61], в переводе дано слово *сила* в творительном падеже *силѣж*. Составители Старославянского словаря предполагают, что здесь возникла описка вместо винительного *силж* (СтС, с. 354).

Наречие *quoque*, используемое для присоединения предыдущего существительного (ЛРС, с. 530), переведено частицей *ѣубо* 'же'.

Сложности возникли у переводчика также с переводом существительного в Р. п. ед. числа *passionis*. Слово *passio* возникло от глагола *pator* 'терпеть, испытывать'. Под влиянием греческого существительного *πάθος* у него развилось значение 'сильное чувство, страсть' (семантическое заимствование), которое в христианской среде стало относиться к страстям Христовым. В переводе дано слово *мѣчениѣ*, в котором *ѣ* в соответствии с глаголическими традициями передает л. й. Схакен определяет эту форму как Р. п. ед. числа (Schaeken, S. 244), поскольку глагол *наслѣдоуемъ*, которым переведено латинское слово *imitemur*, имеет значение 'являемся последователями, следуем' с управлением Р. п. В переводе добавляется местоимение *ѣго*, усиливающее связь между существительным и глаголом.

Завершается текст молитвы *per dominum*, которое передается славянским Тв. п. ед. числа: *гмѣ*. О значении этой концовки см. выше.

Как видим, переводчик(-и?) хорошо владел латинским и славянским языками, больших затруднений перевод молитвы у него не вызвал. Все исследователи отмечают западнославянские фонетические черты в текстах КГЛ. В большинстве случаев переводчик следует пословесно за исходным текстом, однако дважды он использует слово *чьсть* для передачи двух разных латинских слов *solemnis* и *natalitia*. В КГЛ возникает плеонастический фразеологизм *чьсть чьстѣ*. Второй фразе-

ологизм возникает при передаче латинского *anpna*, которое для усиления семантики повтора переводится *лѣта ѿграджѣ*.

Выводы

Итак, как и в любом другом тексте, в Киевских глаголических листках важной, одной из главных текстообразующих частей речи является глагол. Глагольная лексика содержится во всех 10 мессах, описывая события, связанные с действиями Господа и молящихся людей. Поскольку молитвенный текст содер-

жит обращения к Богу, частотными являются формы императива 2 л. ед. и перфекта в этом же лице (все формы относятся к описанию действий Господа). Глагольные формы чаще всего адекватно переводят соответствующие латинские единицы, при этом у славянских слов появляется сакральное значение. Первый памятник письменности на славянском языке показывает особенности лингвокультуры славян X–XI вв., их приобщения к христианству, влияние европейских языков (латыни, через нее греческого и др.) на формирование литургического языка западного славянства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зарембо О. С., Прокопчук О. Г., 2017. Латинский язык = *Lingua Latina* / под ред. Г. И. Шевченко. Минск : Изд-во БГУ. 204 с.
- Лопушанская С. П., 1975. Основные тенденции эволюции простых претеритов в древнерусском книжном языке. Казань : Изд-во Каз. гос. пед. ин-та, 1975. 342 с.
- Лопушанская С. П., 1990. Развитие и функционирование древнерусского глагола : учеб. пособие. Волгоград : Изд-во ВПИ. 114 с.
- Лопушанская С. П., Супрун В. И., 1988. Глагольная лексика в Киевских листках // Материалы по русско-славянскому языкознанию : (Литературный язык, диалекты, язык фольклора) : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. И. Собинникова. Воронеж : Изд-во ВГУ. С. 98–106.
- Лопушанская С. П., Супрун В. И., 1989. Использование глагола в Киевских листках // *Acta Universitatis Palackianae Olomucensis. Facultas Paedagogica. Philologica*. Č. 7. S. 61–68.
- Півторак Г. П., 1988. Формування і діалектна диференціація давньоруської мови (історико-фонетичний нарис) / відп. ред. В. Г. Складенко. Київ : Наукова думка. 280 с.
- Срезневский И. И., 1876. Римско-католический миссалъ въ древнемъ глаголическомъ спискѣ // Сведения и заметки о малоизвестныхъ и неизвестныхъ памятникахъ. Санкт-Петербургъ : Тип. ИАН. С. 529–545. (Сборник Отделения русского языка и словесности ИАН ; т. 15, № 1).
- Срезневский И. И., 1878. О древней глаголической рукописи, хранящейся въ Кіевской духовной академіи // Труды третьяго Археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Кіевѣ въ августѣ 1874 года. Томъ второй. Кіевъ : Тип. Императ. ун-та св. Владиміра. С. 269–276.
- Трубачев О. Н., 1959. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. Москва : Изд-во АН СССР. 214 с.
- Уханова Е. В., 2000. Культ св. Климента, папы Римского, в истории византийской и древнерусской церкви IX – первой половины XI в. // *Annali del'Istituto universario Orientale di Napoli. Aion Slavistica* 1997–1998. Vol. 5. P. 514–519.
- Фонкич В. Л., 1972. О судьбе Киевских глаголических листков // Советское славяноведение. № 2. С. 82–83.
- Хабургаев Г. А., 1974. Старославянский язык. Москва : Просвещение. 432 с.
- Эдельман Д. И., 2002. Иранские и славянские языки: исторические отношения. Москва : Вост. лит. 230 с.
- Kolář J., 1875. O starém a dosud neznámém rukopise hlholském v Kyjevě // *Časopis Musea Království Českého*. Roč. 49, sv. 2. S. 192–197.

ИСТОЧНИКИ

- Житие* – Житие Константина-Кирилла / подгот. текста и пер. Л. В. Мошковой, А. А. Турилова ; комм. Б. Н. Флори // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. XI–XII века / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. Санкт-Петербург : Наука, 1999. С. 22–65.

- Німчук* – Німчук В. В. Київські глаголичні листки – найдавніша пам'ятка слов'янської писемності / відп. ред. В. М. Русанівський. Київ : Наукова думка, 1983. 142 с.
- Moniberg* – Moniberg C. Il messale glagolitico di Kiev (sec. IX) ed il suo prototipo romano del sec. VI–VII // *Atti della Pontificia Academia Romana di archeologia. Ser. 3. Memorie. Vol. 2. Roma : Tipografia Polyglotta Vaticana, 1928. P. 207–320.*
- Schaeken* – Schaeken J. Die Kiever Blätter. Amsterdam: Rodopi, 1987. 272 S. (Studies in Slavic and General Linguistics / ed. by A. A. Barentsen, B. M. Groen, R. Sprenger ; vol. 9).

СЛОВАРИ

- ЛРС* – Петрученко О. Латинско-русский словарь. 9-е изд., исправ. Репр. воспроизведение изд. 1914 г. Москва : Греко-лат. кабинет Ю.А. Шичалина, 1994. 810 с.
- СРЯ* – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4 / гл. ред. С. Г. Бархударов ; сост. Н. Б. Бахилина, Г. А. Богатова, Г. П. Смолицкая [и др.]. Москва : Наука, 1977. 403 с.
- СтС* – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. Москва : Рус. яз., 1994. 842 с.
- AIW* – Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg : Verlag von K. J. Trübner, 1904. XXXII, 2000 S.
- VT* – Váša P., Trávníček Fr. Slovník jazyka českého. Ve dvou dílech. Praha : Fr. Borový, 1937. 1747 s.

REFERENCES

- Zarembo O.S., Prokopchuk O.G., 2017. *Latinskij jazyk = Lingua Latina* [Latin Language = Lingua Latina]. Minsk, Izd-vo BGU. 204 p.
- Lopushanskaja S.P., 1975. *Osnovnyje tendentsii evoljutsii prostykh preteritov v drevnerusskom knizhnom jazyke* [The Main Trends in the Evolution of Simple Preterites in the Old Russian Book Language]. Kazan, Izd-vo Kaz. gos. ped. in-ta. 342 p.
- Lopushanskaja S.P., 1990. *Razvitije i funkcionirovanije drevnerusskogo glagola: ucheb. posobie* [The Development and Functioning of the Old Russian Verb. Textbook]. Volgograd, Izd-vo VPI. 114 p.
- Lopushanskaja S.P., Suprun V.I., 1988. Glagolnaja leksika v Kijevskikh listkakh [Verb Vocabulary in Kievan Missal]. Sobinnikova V.I., ed. *Materialy po russko-slavyanskomu jazykoznaniju: (Literaturnyj jazyk, dialekty, jazyk folklor): mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Materials on Russian-Slavic Linguistics. (Literary Language, Dialects, Language of Folklore). Interuniversity Collection of Scientific Works]. Voronezh, Izd-vo VGU, pp. 98-106.
- Lopushanskaja S.P., Suprun V.I., 1989. Ispolzovanie glagola v Kijevskikh listkakh [The Use of the Verb in Kievan Missal]. *Acta Universitatis Palackianae Olomucensis. Facultas Paedagogica. Philologica*, č. 7, s. 61-68.
- Pivtorak G.P., 1988. *Formuvannja i dialektna diferentsiatsiya davnorusskoj movy (istoriko-fonetichnij naris)* [Formation and Dialectal Differentiation of the Old Russian Language (Historical and Phonetic Essay)]. Kyiv, Naukova dumka Publ. 280 p.
- Sreznevskij I.I., 1876. Rimsko-katolicheskij missal v drevnem glagolicheskom spiskě [Roman Catholic Missal in the Ancient Glagolitic List]. *Svedenija i zametki o maloizvestnykh i neizvestnykh pamjatnikakh* [Information and Notes on Little-Known and Unknown Documents]. Saint Petersburg, Tip. IAN, pp. 529-545 (Sbornik Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti IAN [Collection of the Department of the Russian language and Literature Imperial Academy of Sciences], vol. 15, no. 1).
- Sreznevskij I.I., 1878. O drevnej glagolicheskoj rukopisi, khranjashchejsja v Kijevskoj dukhovnoj akademii [On the Ancient Glagolitic Manuscript Kept at the Kiev Theological Academy]. *Trudy tretjago Arheologicheskago s'ezda v Rossii, byvshago v Kijevě v avgustě 1874 goda. Tom vtoroj* [Proceedings of the Third Archaeological Congress in Russia, Taking Place in Kiev in August 1874. Vol. 2]. Kiev, Tip. Imperat. un-ta sv. Vladimira, pp. 269-276.
- Trubachjov O.N., 1959. *Istorija slavyanskikh terminov rodstva i nekotorykh drevnejshikh terminov obshchestvennogo stroja* [The History of Slavic Kinship Terms and Some of the Oldest Terms of the Social System]. Moscow, Izd-vo AN SSSR. 214 p.
- Ukhanova Je.V., 2000. Kult sv. Klimenta, papy Rimskogo, v istorii vizantijskoj i drevnerusskoj tserkvi IX – pervoj poloviny XI v. [The Cult of St. Clement, Pope of Rome, in the History of the Byzantine and Ancient Russian

- Churches of the 9th – 11th Centuries]. *Annali dell'Istituto Universitario Orientale di Napoli. Aion Slavistica* 1997–1998, vol. 5, pp. 514–519.
- Fonkich V.L., 1972. O sudbe Kijevskikh glagolicheskikh listkov [On the Fate of the Kievan Glagolitic Missal]. *Sovetskoje slavyanovedenije* [Soviet Slavic Studies], no. 2, pp. 82–83.
- Haburgajev G.A., 1974. *Staroslavjanskij jazyk* [The Old Slavonic Language]. Moscow, Prosveshchenije Publ. 432 p.
- Edelman D.I., 2002. *Iranskije i slavyjanskije jazyki: istoricheskiye otnoshenija* [Iranian and Slavic Languages: Historical Relations]. Moscow, Vost. lit. Publ. 230 p.
- Kolář J., 1875. O starém a dosud neznámém rukopise hláholském v Kyjevě. *Časopis Musea Království Českého*, roč. 49, sv. 2, s. 192–197.

SOURCES

- Moshkova L.V., Turilov A.A., Florja B.N., eds. Zhitije Konstantina-Kirilla [The Life of Constantine-Cyril]. Lihachev D.S., Dmitrijev L.A., Aleksejev A.A., Ponyrko N.V., eds. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 2. XI–XII veka* [Collection of Literature of Ancient Russia. Vol. 2. 11th – 12th cent.]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1999, pp. 22–65.
- Nimchuk V.V. *Kyivski hláholichni lystky – najdavnishia pam'jatka slov'janskoyi pysemnosti* [Kiev Glagolitic Leaflets – the Oldest Document of Slavic Writing]. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1983. 142 p.
- Moniberg C. Il messale glagolitico di Kiew (sec. IX) ed il suo prototipo romano del sec. VI–VII. *Attidelia Pontificia Academia Romana di archeologia. Ser. 3. Memorie. Vol. 2.* Roma, Tipografia Polyglotta Vaticana, 1928, pp. 207–320.
- Schaeken J. *Die Kiever Blätter*. Amsterdam, Rodopi, 1987. 272 S. (Barentsen A.A., Groen B.M., Sprenger R., eds. *Studies in Slavic and General Linguistics*, vol. 9).

DICTIONARIES

- Petruchenko O. *Latinsko-russkij slovar* [Latin-Russian Dictionary]. Moscow, Greko-lat. cabinet Ju.A.Shichalina, 1994. 810 p.
- Barkhudarov S.G., Bakhilina N.B., Bogatova G.A., Smolitskaya G.P. et al., eds. *Slovar russkogo jazyka XI–XVII vv. Vyp. 4* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries. Iss. 4]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 403 p.
- Tsejtin R.M., Vecherka R., Blagova E., eds. *Staroslavjanskij slovar (po rukopisjam X–XI vekov)* [Old Slavonic Dictionary (Based on 10th – 11th Century Manuscripts)]. Moscow, Rus. jaz. Publ., 1994. 842 p.
- Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, Verlag von K. J. Trübner, 1904. XXXII, 2000 S.
- Váša P., Trávníček Fr. *Slovník jazyka českého. Ved vou dílech*. Praha, Fr. Borový, 1937. 1747 s.

Information About the Author

Vasilii I. Suprun, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language and Methods of Its Teaching, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia, suprun@vspu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2489-9199>

Информация об авторе

Василий Иванович Супрун, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия, suprun@vspu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2489-9199>